

Макангали Б.К.

PhD докторант, Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: makangali@gmail.com

**КОЛЛЕКТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В РАМКАХ СОВЕТА
СОТРУДНИЧЕСТВА ЗАЛИВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Совет Сотрудничества Залива (ССЗ) – это короткое и более популярное название организации Совет Сотрудничества Арабских Государств Персидского Залива (ССАГПЗ), которое чаще всего встречается в арабоязычной и англоязычной научной литературе. В данной статье автор рассматривает основные проблемы развития организации ССЗ на современном этапе, в том числе попытки стран-участниц создать действенную систему коллективной безопасности. Несмотря на то, что с момента создания организации прошло уже более тридцати лет, но до сих пор страны ССЗ не смогли осуществить полноценную интеграцию для обеспечения региональной безопасности. В этой связи флагман внутриарабских интеграционных процессов Саудовская Аравия видит выход в широкой политической интеграции. Однако горизонты такой интеграции сложно прогнозировать. С одной стороны, на момент создания организации вопрос политической интеграции не был зафиксирован в Уставе Совета. И, по всей видимости, сделано это было преднамеренно с учетом сложных процессов формирования региональных государств. Но, с другой стороны, вопрос политической интеграции столь близких стран казался неизбежным и для этого необходимо только время и политическая воля элит. Поэтому когда в конце 2011 года король Саудовской Аравии предложил создать Союз Залива на основе ССЗ, показалось, что эта инициатива станет толчком для выхода организации на новый уровень. Но последующая политика некоторых стран-участниц и разгоревшийся «катарский кризис» в 2014 и 2017 годах наглядно показали системность проблем в данной организации, которые препятствуют политической интеграции. Методология исследования основывается на сравнительно-историческом анализе как главных политических и военных событий, так и реальной политики государств (realpolitik).

Ключевые слова: коллективная безопасность, шесть монархий Залива, политическая интеграция, Союз Залива, катарский кризис, суверенитет.

Makangali B.

PhD candidate, Al-Farabi Kazakh national university, Kazakhstan, Almaty, e-mail:
makangali@gmail.com

Collective Security under the Gulf Cooperation Council: problems and prospects

The Gulf Cooperation Council (GCC) is the short and more popular name of the organization of the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf, which is most often found in the Arabic-language and English-language scientific literature. In this article, the author examines the main problems of the development of the GCC organization at the present stage, including the attempts of the participating countries to create an effective system of collective security. Despite the fact that more than thirty years have passed since the creation of the organization, but so far the GCC countries have not been able to fully integrate to ensure regional security. In this regard, the flagship of the intra-Arab integration processes, Saudi Arabia sees an outlet in broad political integration. However, the horizons of such integration are difficult to predict. On the one hand, at the time of the establishment of the organization, the issue of political integration was not fixed in the Charter of the Council. And, apparently, this was done deliberately taking into account the complex processes of the formation of regional states. But on the other hand, the issue of political integration of such close countries seemed inevitable, and only the time and political will of the elites are needed for this. Therefore, when at the end of 2011 the King of Saudi Arabia proposed the creation of the Gulf Union on the basis of the GCC, it seemed that this initiative

would be the impetus for the organization to reach a new level. But the subsequent policies of some participating countries and the flaring "Qatari crisis" in 2017 clearly demonstrated the systemic nature of the problems in this organization, which hinder political integration. The methodology of the research is based on a comparative historical analysis, both the main political and military events, and the real policy of states (realpolitic).

Key words: collective security, six Gulf monarchies, political integration, the Gulf Alliance, Qatari crisis, sovereignty.

Мақанғали Б.Қ.

PhD докторанты, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: makangali@gmail.com

Шығанақ Ынтымақтастық Кеңесі аясындағы ұжымдық қауіпсіздік: мәселелер мен болашағы

Шығанақ ынтымақтастық кеңесі (ШЫК) Парсы шығанағындағы араб мемлекеттерінің ынтымақтастық кеңесі (ПШАМЫК) ұйымының қысқаша атауы. Бұл атау негізінен араб және ағылшын тілдеріндегі шығатын ғылыми басылымдарда жиі кездеседі. Мақалада автор қазіргі уақыттағы Шығанақ ынтымақтастық кеңесінің дамуындағы негізгі мәселелерін қарастырып отыр. Оның ішінде негізгі мән ұйым аясында ұжымдық қауіпсіздікті қамтамасыз ету мәселесіне ерекше көңіл аударылған. Ұйымның құрылуына отыз жыл астам болғанына қарамастан ұйымға кіретін мемлекеттер әлі осы уақытқа дейін аймақтық қауіпсіздікті қамтамасыз ететін толық интеграцияны жүзеге асыра алмай жатыр. Сауд Арабия ұсынысы бойынша ұйым аясында толық саяси интеграция жасау арқылы жоғарыда айтылып өткен мәселені шешуге болады деп есептейді. Дегенмен, осындай қалыптағы интеграцияны ұйымдастыру мен оның болашағы жайлы жоспар құру бірқатар қиыншылықтарға тап болады. 80-ші жылдардың басында, яғни ұйым құрылу барысында саяси интеграция туралы мемлекеттер арасындағы келісім сөздерде көп айтылған жоқ, сонымен қатар, ұйымның Жарғысына бұл мәселе енбеген. Бірақ діні, ділі, тілі, заты бір-біріне жақын келетін бауырлас халықтарының болашақта саяси интеграция жасамауы мүмкін емес және оған тек элиталардың саяси жігері мен ниеті қажет деп есептелген. Сондықтан 2011 жылы Сауд Арабиясының королі ұйым аясында Шығанақ Одағы жасау мәселесін көтерген кезде ШЫК ұйымы интеграция жолында жаңа белеске жетуге жол ашылады деп болжаланған. Бірақ кейін 2014 және 2017 жылдары Қатар мемлекеті мен Сауд Арабия, Біріккен Араб Әмірлігі, Бахрейн арасындағы орын алған күйзеліс ұйымдағы интеграция жолында жүйелік проблемалары бар екенін нақты көрсетті. Мақаланың методологиялық негізі аймақтағы болып жатқан оқиғалар мен мемлекеттерінің шынайы саясатын (realpolitic) салыстырмалы-тарихи анализ төңірегінде саралау.

Түйін сөздер: ұжымдық қауіпсіздік, Шығанақтағы алты монархия, саяси интеграция, Шығанақ одағы, Қатар дағдарысы, егемендік.

Введение

Организация Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), или просто Совет Сотрудничества Залива (ССЗ), включает в себя шесть монархий Аравийского полуострова: Королевство Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Султанат Оман, Государство Катар, Государство Кувейт и Королевство Бахрейн (так называемая «аравийская шестерка» или А6). Геополитическая и геоэкономическая значимость на глобальном уровне странами ССЗ были приобретены в связи с выгодным географическим расположением, большими запасами углеводородов, а также крупнейшими инвестиционными возможностями, которые столь важны для современной архитектуры мировой экономики. Вес для организации приносит тот факт, что одна из стран-участ-

ниц Совета Сотрудничества Залива Саудовская Аравия входит в Большую двадцатку (G20), клуб государств с наиболее развитой и развивающейся экономикой в мире.

Страны-участницы ССЗ на протяжении последних десятилетий показывали высокую интеграционную динамику, а процесс регионализации среди аравийских монархий по праву считался наиболее продуктивным и подающим большие надежды на всем Ближнем Востоке и Северной Африке (БВСА). Особый интерес у аравийской шестерки был в области экономики и безопасности. Учитывая те сложные региональные и глобальные процессы, которые происходят в непосредственной близости от них, включая внешние военные вмешательства, крах государств, протестные движения и революции, прокси-войны, разгул терроризма, экстремизма и т.д., арабские монархии Залива пытаются

кооперировать свои усилия для противостояния этим угрозам и вызовам. Но декларируемая монархиями политика интеграции усилий, в том числе в рамках коллективной безопасности периодически сталкивается с проблемами, которые очень часто имеют эндогенный характер происхождения.

Предметом исследования является реальная политика стран-участниц организации Совета Сотрудничества, при этом целью исследования является выявление основных препятствий в углублении интеграции в области коллективной безопасности, в особенности в контексте саудовской инициативы по трансформации организации в Союз Залива.

Степень изученности проблематики

Значимость Персидского залива в современном мировом порядке сложно переоценить, поэтому регион всегда находится под пристальным вниманием ведущих мировых держав, политических деятелей, исследователей со всего мира. Но, несмотря на большое количество исследователей, занимающихся темой безопасности Залива, до сих пор остается много вопросов, которые сложны для понимания и объяснения с точки зрения теории и практики.

Весомый вклад в изучение Персидского залива, в том числе Совета Сотрудничества Залива вносят исследователи из стран Ближнего Востока. Особую роль играют монографии, научные статьи, а также аналитические материалы ведущих региональных мозговых центров, таких как Gulf Research Center (КСА), The Emirates Center for Strategic Studies and Research (ОАЭ), Bahrain Center for Strategic, International and Energy Studies – Derasat (Бахрейн) и т.д. Однако в исследованиях ученых из стран региона очень часто можно встретить ярко выраженный инсайдерский подход. Поэтому, к примеру, в качестве основной причинности проблем периодически выдвигается идея вмешательства извне, что на самом деле не раскрывает всей картины и не дает ответов на все поставленные вопросы.

Среди монографий, посвященных региональной безопасности Залива, хотелось бы отметить монографию Али Зияд аль-Али «Безопасность Залива в свете стратегических конфликтов глобальных и региональных держав» (Al-Ali, 2016). Она отличается комплексностью и обширностью анализа политики ведущих акторов в регионе, проблем и вызовов безопасности, в том числе влияние сирийского, йеменского кризиса и т.д. Очень интересным является труд Юсуфа Халифа аль-Юсуфа «Страны Совета Сотрудничества

Залива в треугольнике автократии, нефти и иностранных держав», где рассматривается целый комплекс вопросов безопасности аравийских монархий. При этом в качестве одной из причинности проблем региона отстаивается идея обладания странами больших запасов энергоресурсов (Al-Yusuf, 2011).

Важность развития, интеграции и трансформация ССЗ в союз затрагивается в аналитическом докладе «Союз Арабского Залива – это будущее» саудовского мозгового центра Gulf Research Center, который был опубликован в 2016 году (Al-Itihad, 2016). Один из важнейших тезисов данной работы заключался в том, что «обеспечение безопасности – это общее дело всех государств Залива, требующее коллективных действий» (Кузнецов В., 2016). Сложности и проблемы перехода Совета сотрудничества в Союз Залива затронуты в аналитическом докладе Ашрафа Кишка «Стратегические императивы перехода к состоянию Союза Залива» (Kishk, 2013). Доклад был опубликован бахрейнским мозговым центром Derasat в 2013 году.

Ряд проблем развития организации ССЗ затронуты в таких научных статьях, как «Преобразование Совета Сотрудничества Залива в Союз Залива» Али Мухаммада Фахра (Fakhro, 2012) и «Будущее режимов Персидского залива в свете изменений, проблем и решений внутренней безопасности» Мухаммада бен Саида аль-Футаиси (Al-Futaisi, 2015) и т.д.

Что касается западных исследований, то они отличаются комплексностью и разнообразностью в теоретико-методологических подходах, но при этом зачастую имеют европоцентристский взгляд, под которым понимается попытка объяснить региональные процессы и феномены теориями, разработанными на основе данных, полученных при изучении западного мира. По мнению авторов учебника «Мировое комплексное регионоведение» под редакцией Воскресенского А.Д., автоматическое применение теоретических подходов, основанных на западных реалиях, «в конечном итоге вызывало существенные искажения в понимании политических процессов в Азии и Африке, а искажения на уровне понимания вели к просчетам на уровне практики международного взаимодействия» (Воскресенский А.Д., 2014: 85).

Нужно отметить, что дискуссии уместности адаптации западных теорий на незападные регионы, а также концептуальные проблемы, связанные с этим процессом, до сих пор продолжают. Собственно этими же вопросами

задались и авторы коллективного труда «Non-Western International Relations Theory Perspectives On and Beyond Asia» под редакцией Ачатива Ачария и Барри Бузана (Acharya A., Buzan B., 2010). В рамках вышесказанных методологических и концептуальных проблем интерес вызывает работа К. Дэвидсона «After the Sheikhs: The Coming Collapse of the Gulf Monarchies». По утверждению автора, арабские монархии являются анахронизмом, и их период существования скоро закончится ввиду приближающегося коллапса институтов управления (Davidson Ch., 2015).

В целом же существование огромного количества разноаспектных англоязычных работ, посвященных безопасности Персидского залива, в том числе развитию Совета Сотрудничества, решению кризисов, конфликтов и т.д. Важный вклад в изучение региона вносят ведущие западные аналитические центры, такие как Brookings Institution, Chatham House, Center for Strategic and International Studies, RAND Corporation и др. При этом ряд западных мозговых центров имеют собственные представительства в странах региона, как например, Brookings Institution в Катаре. А вот International Institute for Strategic Studies (IISS) даже проводит ежегодный саммит по региональной безопасности в столице Бахрейна Манаме – The IISS Manama Dialogue – The Regional Security Summit.

Среди последних англоязычных работ необходимо отметить работу Фредерика Уэри и Ричарда Сокольского «Imagining a New Security Order in the Persian Gulf» из Центра Карнеги (Wehrey F., Sokolsky R., 2015). В данном аналитическом материале представлен анализ региональной безопасности Персидского Залива и возможность создания новой системы. Согласно авторам этого труда, регион нуждается в новом подходе и архитектуре обеспечения региональной безопасности. Авторы отмечают важную роль ССЗ в создании новой концепции региональной безопасности как наиболее работоспособного политического института в регионе. Совет Сотрудничества должен стать базой для новой концепции обеспечения безопасности, однако это будет возможно, только если к диалогу присоединится Иран.

Интерес вызывает статья Жан-Марка Рикли «New alliances dynamics in the Gulf and their impact on the small GCC states» (Rickli J-M., 2016). В работе основной упор делается на рассмотрение политики малых княжеств Залива и их отношения к вопросу сохранения стабильности в

регионе, в особенности после арабской весны. По мнению автора, малые княжества Залива, с одной стороны, очень сильно связаны с США и их интересами в регионе. Но, с другой стороны, происходит рост влияния Саудовской Аравии на региональном уровне. Поэтому малым странам региона приходится нивелировать давления, исходящие из двух полюсов, и найти нужные подходы во взаимоотношениях с ними. В связи с последними проблемами в области интеграции в рамках ССЗ интерес вызывает статья «The Qatar Crisis, its Regional Implications, and the US National Interest» Н. Асасиана, опубликованная в начале 2018 года (Asasian N., 2018). В данной работе автор попытался проанализировать суть конфликта, а также возможности сторон по различным параметрам.

Среди русскоязычной научной литературы особый интерес вызывают труды Е.С. Мелкумян, которая специализируется на изучении Персидского залива, в том числе ССЗ. В ее монографии «Регион Залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество» и в целом ряде научных статей были рассмотрены большое количество вопросов как региональной безопасности, так и проблемы интеграции и развития Совета Сотрудничества (Мелкумян Е.С., 2008).

Путь к созданию организации

Вопрос интеграции арабских монархий Персидского залива стал нарастать после того, как во второй половине XX века в регионе начался процесс деколонизации и на мировой политической арене стали появляться новые независимые государства. Из шести монархий региона только Саудовская Аравия изначально была независимым политическим образованием, которая прошла сложный путь своего формирования на протяжении нескольких столетий. В нынешнем виде Королевство Саудовская Аравия было образовано в 1932 году.

После Второй мировой войны, чувствуя тяжесть своего имперского наследия, Великобритания начинает поэтапно оставлять свои бывшие владения. Переломным этапом для Лондона в ближневосточном регионе стал Суэцкий кризис (1956 г.), после которого британцы передали свои имперские амбиции в регионе американским союзникам. В 1961 году, 19 июня, после обмена нотами между правительствами Великобритании и Кувейта был денонсирован договор от 23 января 1899 года, по которому был установлен английский протекторат над Кувейтом. В новом соглашении «от 19 июня 1961 г. за правительством Кувейта признавалась иск-

лючительная ответственность за ведение внешних и внутренних дел Кувейта. Таким образом, Кувейт окончательно обрел статус политически независимого государства» (Мелкумян, 2011: 64). Однако это событие было омрачено выдвижением территориальных претензий на Кувейт со стороны иракского правительства. По утверждению Багдада, Кувейт исторически относился к вилайету Басра в составе Османской империи и незаконно был отчужден англичанами. Поэтому после распада Османской империи Ирак как государство, в чей состав вошел бывший Басрийский вилайет, имеет полное право на территорию Кувейта. Угрозы со стороны Ирака и концентрация на границе войск вынудили кувейтское правительство обратиться к Лондону согласно англо-кувейтскому договору. В эмират был переброшен британский десант, который в последствии был замешен войсками из Саудовской Аравии, Египта, Иордании, Сирии и Туниса количеством более 3 тысяч солдат. Под давлением международного сообщества Ираку пришлось отступить, а это событие вошло в историю как «первый кувейтский кризис».

К концу 60-х годов региональная и международная ситуация усложнялась и в 1968 году Великобритания решает вывести войска из Залива. Уход жандарма способствовал ускорению процесса этатизации малых княжеств. В этот период под управлением Лондона оставались территория Бахрейна, Катара, Договорного Омана (ныне ОАЭ) и Омана. В 1970 году в Омане к власти пришел султан Кабус бен Саид. Он объединил Султанат Маскат и Имамат Оман в единое государство Султанат Оман, которое стало независимым. Что касается остальных территорий, то с конца 60-х гг. правители Бахрейна, Катара и эмиратов Договорного Омана (Абу-Даби, Дубай, Шарджа, Умм аль-Кувейн, Рас аль-Хайма, Фуджейра и Аджман) вели активные переговоры о создании единого федеративного государства. Однако разногласия по поводу первенства в будущем государственном образовании стали причиной провала переговорного процесса и 14 августа 1971 года свою независимость объявил Бахрейн, а 3 сентября того же года Катар. Эмираты Договорного Омана (за исключением Рас аль-Хаймы) при усилении правителя Абу-Даби Заида бен Султана аль-Нахаяна 2 декабря 1971 г. смогли создать уникальное федеративное государство независимых княжеств – Объединенные Арабские Эмираты. Эмират Рас аль-Хайма присоединился к ОАЭ в 1972 г.

В 70-е годы происходит формирование геополитического пространства Залива в его современном виде. Ведущими региональными силами стали Иран, Ирак и в меньшей степени Саудовская Аравия. Поэтапно нарастает уровень конфликтности в регионе. Это было вызвано уходом англичан, аннексией Ираном эмиратовских островов Абу Муса, Большой и Малый Томб (1971 г.), территориальными претензиями (между КСА, ОАЭ и Оманом; между Катаром и Бахрейном; между КСА и Катаром и т.д.), идеологическим противостоянием и т.д.

С момента ухода Лондона из Персидского залива в регионе образовался политический вакуум, и региональные страны активизировались в поиске новой системы обеспечения региональной безопасности. Поэтому в 70-е годы сформировались три основных видения обеспечения региональной безопасности Персидского залива. Шахский Иран предлагал заключить соглашение о коллективной безопасности, в которое вошли бы все государства, имеющие выход к акватории Залива, то есть, помимо АБ, в договоре также должны были участвовать Иран и Ирак. Второй проект принадлежал Багдаду. В рамках иракского плана безопасность Залива должна была строиться на принципах общеарабской национальной безопасности. В данном подходе исключалась роль Ирана. Монархии Залива, в особенности КСА, с настороженностью относились к этим предложениям, так как усматривали в них попытки Тегерана и Багдада установить свою гегемонию в регионе. Почвой для скептицизма в адрес инициатив Ирана и Ирака стала агрессивная политика этих стран, в частности после захвата иранцами эмиратовских островов в Заливе и периодических иракских выпадов в сторону суверенитета Кувейта. В этом ключе Саудовской Аравией было предложено свое видение системы обеспечения региональной безопасности на основе кооперации и интеграции арабских монархий, при этом Эр-Рияд отвергал необходимость создания соглашения в рамках инициативы Тегерана (Аль-Алави Х.А., 1999: 125-126). Таким образом, в 70-е годы, после ухода британских войск из Залива, сложился треугольник региональных сил Иран – Ирак – КСА. В этот же период наиболее сильные позиции из внешних игроков в регионе имели США. На начальном этапе их участие рассматривается в рамках доктрины Никсона «двухопорной политики», которая заключалась в возложении роли жандарма в регионе на Иран и Саудовскую Аравию. Однако впоследствии подходы Вашингтона

к региональной безопасности Залива начинают эволюционировать от стороннего наблюдателя до активного проникновения. Этому способствовал нефтяной кризис 70-ых годов, исламская революция в Иране, ввод советских войск в Афганистан и многие другие факторы.

Несмотря на определенные сложности во взаимоотношениях между арабскими монархиями, по причине территориальных претензий и других расхождений, кардинальные изменения в региональной ситуации в конце 70-х способствовали ускорению процесса их интеграции. Новые иранские элиты после исламской революции взяли на вооружения доктрину «экспорта исламской революции», что вызвало глубокую озабоченность у ее соседей. А после начавшейся 22 сентября 1980 года ирано-иракской войны, которая в арабских источниках получила название «первая война в Заливе», окончательно убедила руководителей арабских монархий в необходимости скорейшей кооперации усилий для обеспечения региональной и национальной безопасности. В результате 25 мая 1981 года арабские монархии создали организацию Совет Сотрудничества Арабских Государств Персидского Залива или просто Совет Сотрудничества Залива. Первой целью организации является: *«обеспечение координации, взаимодополняемости и согласованности между государствами-членами во всех областях и достижение их единства»*, как это было зафиксировано в статье 4 устава организации (Charter of the organization, 1981).

Поиск модели обеспечения региональной безопасности в рамках Совета

Уже на этапе создания организации и первых обсуждений концепции безопасности в рамках Совета Сотрудничества среди стран-участниц появились первые разногласия по поводу некоторых положений предлагаемого соглашения. Так, Кувейт заявил, что некоторые положения соглашения в сфере обеспечения региональной безопасности противоречат его конституции. Как отмечает арабский исследователь аль-Шанфари: «В частности, это касалось вопросов выдачи преступников, а также права каждой страны-члена ССАГПЗ, подписавшей соглашение, вторгаться на территорию других стран на расстояние 25 км для преследования преступников и беглецов от правосудия. Чтобы преодолеть эти осложнения, был заключен ряд двухсторонних соглашений между Саудовской Аравией и остальными странами ССАГПЗ, кроме Кувейта, оставшегося на своей позиции» (Аль-Шанфари С.А., 2004: 53).

Одним из основных аспектов интеграции в рамках ССЗ является сотрудничество в военной области среди стран-участниц. За форсирование процесса выступала Саудовская Аравия, которая предлагала создать единые вооруженные силы Совета под одним командованием, а также унификацию систем вооружения и подписания соглашения о коллективной безопасности в рамках организации. Поспешность Эр-Рияда вызвала настороженность у малых монархий, которые опасались попасть под полный контроль саудовцев (Мелкумян Е.С., 2008: 105). В 1984 году Совет сотрудничества принял соглашения о единой оборонной стратегии. Было принято решение организовать силы быстрого реагирования «Щит полуострова», которые должны были быть расквартированы в месте Хафр аль-Батын в Саудовской Аравии. Ставился вопрос о поэтапном увеличении численности военного контингента. Однако и здесь среди стран-участниц появились спорные вопросы, так как не все страны могли выполнить эти условия. Но, несмотря на все сложности, проект «Щит полуострова» продолжал эволюционировать и развиваться.

На протяжении 80-х годов XX столетия перед Советом стоял вопрос о выборе модели системы обеспечения региональной безопасности и участия в ней внешней сил. Большинство стран-участниц отстаивали идею опоры на собственные силы, в том числе КСА. Саудовцы даже отказались подписывать соглашения с Вашингтоном о сотрудничестве в оборонной сфере. Только Оман из стран А6 был сторонником активного участия западных стран, и в первую очередь США, в деле поддержания мира и стабильности в регионе. Однако ситуация кардинально изменилась с началом иракской агрессии против Кувейта в 1990 году. Оккупация Кувейта вооруженными силами Ирака и возможности нападения на Саудовскую Аравию стали причиной обращения Эр-Рияда за помощью к странам Запада. Это решение фактически перестроило всю систему безопасности и международных отношений не только в Персидском заливе, но и на всем Ближнем Востоке. Усилиями многонациональной международной коалиции, в которой главную роль играли США, территория Кувейта была освобождена, а Ирак попал под сильнейшее международное давление. Так называемый кувейтский кризис (второй кувейтский кризис), или «вторая война в Заливе», показал слабость монархий Залива в военной сфере и неспособность отразить внешнюю

агрессию, даже, несмотря на имеющиеся силы быстрого реагирования «Щит полуострова». Страны ССЗ задалась вопросом пересмотра своих подходов в деле обеспечения региональной безопасности. Помимо усиления роли и возможности «Щита полуострова», страны-участницы Совета стали активно заключать договора в военно-оборонной сфере с ведущими странами Запада (США, Великобритания, Франция и т.д.).

Сразу же после окончания войны 6 марта 1991 года «была подписана Дамасская декларация, предусматривавшая подключение Египта и Сирии к оборонным мероприятиям Совета сотрудничества» (Мелкумян Е.С., 2008: 123). Данное соглашение основывалось на панарабской идеи обеспечения безопасности. Однако уже через 4 дня, 10 марта, в столице КСА была подписана «эр-Риядская декларация» предложенная государственным секретарем США Джеймсом Бейкером. Это соглашение по коллективной безопасности предполагало активное участие американских военных сил в деле поддержания порядка в регионе путем военно-воздушных и сухопутных учений, а также постоянное присутствие военно-морского флота США в акватории Персидского залива. Оба соглашения не включали Иран и Ирак, поэтому авторы статьи «From Alliance to Collective Security: Rethinking the Gulf Cooperation Council» Ролин Г. Мануддин, Джозеф Р. Айшер-младший и Джеффри М. Эллиот посчитали этот договор союзом прозападных государств нежели региональной коллективной безопасностью (Mainuddin R.G., Aicher J.R., Elliot J.M., 1996).

Немало важную роль в области военно-оборонного сотрудничества с арабскими монархиями Залива стали играть Турция и Пакистан. Однако главным бенефициаром всех военно-политических выгод в посткризисный период стал Вашингтон. Американцы получили возможность непосредственного участия в обеспечении региональной безопасности Персидского залива путем создания военных баз в Кувейте, Катаре, Бахрейне и т.д. Чем больше усиливались традиционные проблемы безопасности и появлялись новые, тем больше росла роль и присутствие США в регионе Залива.

В 90-е годы у Совета Сотрудничества имелись две важные тенденции. Во-первых, происходило углубления интеграции в военной сфере, хотя и медленно и с различными препятствиями. Аравийские монархии на регулярной основе стали проводить совместные учения различных родов войск. Сухопутные войска в рамках

программы «Щит полуострова», военно-воздушные силы и силы противовоздушная оборона в рамках программы «Сокол полуострова», военно-морские силы в рамках программы «Солидарность» (Карпенко Е.А., 2006: 91). Во-вторых, в связи активным проникновением США в дела региона стали нарастать различные угрозы. Особенно необходимо отметить активизацию ядерной программы Ирана и рост международного терроризма. Именно борьба с мировым терроризмом на международном уровне стала главным императивом американской глобальной политики после 11 сентября 2001 года. После атаки террористов на США в ответ американцы провели интервенцию в Афганистан (2001 г.) и Ирак (2003 г.). Вторжение англо-американских коалиционных сил в Ирак не имело международной поддержки, так как началось без резолюции Совета безопасности ООН. Страны ССЗ не поддерживали военную интервенцию против Ирака, но для обеспечения собственной безопасности перебросили силы «Щита полуострова» к иракской границе. Война в Ираке, которая началась в 2003 году, в арабских источниках именуется как «третья война в Заливе» и имела более сложные последствия для региональной безопасности, чем какая-либо военная компания ранее. Среди этих последствий стоит отметить слом традиционной системы баланса сил (Иран – Ирак – КСА), кризис доверия к США как арбитру в регионе, рост негосударственных акторов (террористических и экстремистских групп) и т.д.

На региональном уровне в 2000-е годы шли попытки достигнуть взаимопонимания и доверия между Эр-Риядом и Тегераном. Этому процессу способствовал подписанный в 2001 году пакт безопасности между двумя странами. Однако эти инициативы рассматривались двумя странами как «плохой мир лучше хорошей войны», поэтому в итоге они не принесли ожидаемых результатов для обеих сторон.

Важный этап в эволюции подходов обеспечения региональной безопасности произошел с подписанием в июне 2004 году странами ССЗ (за исключением КСА и Омана) на Саммите в Турции соглашения с НАТО о сотрудничестве в области безопасности, которое получило название Стамбульская инициатива (Istanbul Cooperation Initiative). (Istanbul Cooperation Initiative, 2011).

В качестве нивелирования проблемы отставания Совета в человеческом ресурсе монархии периодически рассматривали вопрос интеграции Йемена в организацию. Это единственная страна

Аравийского полуострова, которая не входит в ССАГПЗ. Существует как минимум четыре причины, препятствующие присоединению. Во-первых, географически Йемен не имеет выхода к акватории Персидского залива. Во-вторых, республиканская система управления Йемена, которая отличается от монархических режимов в странах Совета. В-третьих, значительное социально-экономическое отставание от стран ССЗ. В-четвертых, идеологическое противостояние. Если раньше это был арабский национализм, когда, к примеру, Йемен занял проиракскую позицию во время «второго Кувейтского кризиса». Или проиранская ориентация северной части Йемена на данный момент. С 2001 года, после официального запроса с йеменской стороны, страны-участницы стали рассматривать вопрос о возможности присоединения Йемена к Совету Сотрудничества. Помимо желания самого Йемена вступить в организацию, также были и встречные намерения со стороны А6, которые таким образом за счет Йемена хотели нивелировать свое отставание в людских ресурсах по сравнению с Ираном и Ираком. Одним из сторонников принятия Йемена в Совет Сотрудничества были ОАЭ (Муслех А.С., 2007: 101).

Совет Сотрудничества Залива и «арабская весна»

Протестные движения в арабских странах, которые начались в декабре 2010 – в январе 2011 гг., не обошли стороной аравийские монархии. Наиболее серьезными были выступления в Бахрейне. Народные волнения были настолько серьезными, что бахрейнскому правительству пришлось призвать вести сухопутные войска государств ССЗ для поддержания порядка и стабильности в стране. Протесты также прошли в КСА, Кувейте и Омане. Но если в Бахрейне и Саудовской Аравии главными протестующими были шиитское население, которое требовала пересмотра государственной политики в свой адрес, то в Кувейте и Омане причиной выступлений были экономико-социальные вопросы, поэтому локализовать эти процессы кувейтскому и оманскому правительству удалось довольно быстро. Так, например, в Кувейте среди демонстрантов были люди так называемой группы «бидун» (лица без гражданства). Этот феномен в кувейтском обществе появился в 1959 году, когда был принят закон о гражданстве, согласно которому кувейтское подданство могло получить тех, кто мог доказать, что их предки жили на территории Эмирата до 1920 года. Таким образом, некоторая часть населения, в основном

люди, которые вели кочевой образ жизни ввиду отсутствия необходимых документов, не могли доказать свою принадлежность к Кувейту. Они и стали группой бидун – лиц без гражданства. «Если первоначально, после принятия закона о гражданстве в 1959 г., эта группа не была многочисленной, то в последующие годы ее численность возросла до примерно 120 тыс. чел. Большую часть этой группы, по официальным данным, составляли выходцы из соседних с Кувейтом стран, которые уничтожили все свои документы и выдали себя за кувейтских «бидун». В 2000 г. в Кувейте была начата кампания по вытеснению «бидун» из страны. Это дало определенные результаты. Численность этой группы сократилась, но окончательно проблема не была решена» (Мелкумян Е.С., 2014: 31). В процессе народных волнений кувейтское правительство пообещало решить эту проблему.

Помимо субрегиональных проблем Залива, у руководителей аравийских монархий особую озабоченность вызывали протесты в других арабских странах Ближнего Востока и Северной Африке (БВСА), особенно в Египте, Йемене, Сирии и т.д. Необходимо отметить, что вопреки распространенному мнению большинство стран А6 не желали насильственной смены власти в государствах БВСА, так как видели в этом прямую угрозу собственной безопасности. По этому поводу весьма интересную информацию приводит в своих мемуарах бывший министр обороны США Роберт Гейтс (2006-2011 гг.), где он рассказывает о своем тяжелом телефоном разговоре с наследным принцем ОАЭ Мухаммедом бен Заидом о протестных движениях в арабских странах. Мухаммед бен Заид предупредил Гейтса, что: «Если египетский режим падет, возможен единственный результат – Египет превратится в суннитскую версию Ирана». Принц сказал, что действия США напоминают ему реакцию Джими Картера на свержение иранского шаха, «тогда как сообщение Обамы должно звучать иначе» (Гейтс Р., 2014: 681). Также Гейтс рассказывает о разговоре с бахрейнским наследным принцем Сальманом: «Я звонил тогда наследному принцу Сальману, который сказал мне, что арабские правители стран Персидского залива видят в Бахрейне оплот в борьбе с Ираном и что из событий в Тунисе и Египте местная власть вынесла урок: свергнутые правительства допустили ошибку, выказав слабость» (Гейтс Р., 2014: 693).

Известный российский востоковед-арабист Е.М. Примакова в своей монографии «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за ку-

лисами», рассуждая о «арабской весне», приводит реакцию духовных лидеров двух самых важных и в то же время консервативных стран БВСА Саудовской Аравии и Ирана. Примаков пишет, что: «Показательна в этом плане прямо противоположная реакция на каирские события двух религиозных лидеров, которая, как мне представляется, диктовалась скорее политическим восприятием происходящего. Духовный руководитель Ирана аятолла Хаменеи назвал эти события «исламской революцией» против Мубарака, сотрудничавшего с США и Израилем, а главный муфтий Саудовской Аравии назвал антирежимные выступления в Египте «заговором врагов ислама и тех, кто их поддерживает» (Примаков Е.М., 2012: 379). Особую тревогу саудовской политической и духовной элиты вызывали события, которые развивались в Египте. Этому способствовали как минимум две причины. Во-первых, Египет, поддержкой которой Саудовская Аравия пользуется при сложнейших ситуациях, является для эр-Рияда самой важной страной арабского мира. По количеству и качеству человеческого капитала Египет самая большая страна арабского мира, на которую, по данным Всемирного банка, в 2010 году приходилось почти 85 млн. человек (на 2016 год оценочно свыше 95 млн.). (World Bank Database 2018). Также Египет имеет самую сильную армию в арабском мире. К примеру, по данным международной организации Global Firepower (2017 Military Strength Ranking), Египет занимает 10 место в рейтинге военной мощи среди всех стран мира. (Military Strength Ranking, 2018). Во-вторых, возможный приход к власти движения «братья-мусульмане» (запрещенная организация в Республике Казахстан) в Египте в долгосрочной перспективе сталкивал бы две идеологические модели. Если во второй половине XX столетия главной идеологической проблемой на региональном уровне для консервативных режимов (арабских монархий) были националисты в лице панарабизма, арабского социализма (баасизм и насеризм), то на рубеже веков их заменили исламисты, под которыми понимаются религиозно-политические движения.

После ухода с поста президента Египта Хосни Мубарака и смены власти на «братьев-мусульман» практически была открыта дорога к реализации прогнозов принца Мухаммеда бен Заида. Хотя «братья-мусульмане» и находятся в монархиях Залива с середины XX столетия, однако, по отношению к ним здесь сложились неоднозначные отношения, кроме Катара,

где нашли пристанище многие представители этого религиозно-политического движения, в том числе один из её духовных лидеров Юсуф аль-Кардауи, лидеры ХАМАСа и т.д. В остальных же странах ССЗ они больше расцениваются как деструктивное движение. Новый президент Египта Мухаммед Мурси поспешил в КСА просить финансовой помощи, где он пытался угодить королю, говоря, что: «Саудовская Аравия является главой суннитов, а Египет её защитником» (Al-Rayis Mursy, 2012). Однако получить экономическую помощь из стран ССЗ Мурси так и не смог, кроме как от традиционного союзника «братьев-мусульман» Катара.

Необходимо также отметить, что страны Совета Сотрудничества, ввиду своих колоссальных финансово-экономических возможностей, всегда были убеждены, что рост пояса экономической отсталости (пояс бедности) вокруг аравийских монархий может перерасти в увеличение пояса нестабильности, который, несомненно, может их затронуть с тяжелыми последствиями. И именно насильственная смена власти может отбросить страны региона далеко в экономическом развитии. Поэтому уже после смещения Мухаммеда Мурси и братьев-мусульман с политического олимпа в Египте и прихода к власти в июне 2014 года фельдмаршала Абд аль-Фаттаха ас-Сиси страны ССЗ (Саудовская Аравия, Кувейт и ОАЭ) стали оказывать активную помощь Каиру. При этом если из-за движения «братья-мусульмане» у Катара резко испортились отношения с Египтом, то со странами Совета (в первую очередь с КСА и ОАЭ) стало расти напряжение и проявляться признаки системного кризиса внутри внутриаравийской интеграции.

В 2011 году на майском саммите ССЗ в эр-Рияде стало известно, что руководство организации рассматривает вопрос об интеграции Иордании и Марокко в Совет Сотрудничества. Обе страны не имеют географического выхода к Заливу, поэтому их присоединение выводило бы организацию из ряда субрегиональных на более высокий уровень. Некоторые исследователи указывали о возможной перспективе создать альтернативу имеющей системный кризис Лиге арабских государств. С другой стороны, хотя лидеры и говорили о том, что присоединение Иордании и Марокко несет большие экономические выгоды, однако немаловажным аспектом был вопрос безопасности. К примеру, по утверждению наблюдателей, Иордания имеет одну из самых сильных сетей безопасности в арабском мире. Со спадом накала протестных

движений в странах Залива также стал угасать вопрос о присоединения Иордании и Марокко к Совету Сотрудничества.

Кризис доверия к США: от Обамы к Трампу

С началом «арабской весны» монархии Залива стали искать новые подходы в обеспечении безопасности. Хотя с марта 2011 года стали проводиться ежегодные Форумы стратегического сотрудничества ССАГПЗ-США, однако доверие к Вашингтону стало резко снижаться ввиду новой политики президента Обамы «поэтапного ухода» из региона Ближнего Востока и слабой позиции Белого дома в период протестных движений в арабском мире. Стратегический уход США на Ближнем Востоке был взят в вооружение администрацией президента Обамы по двум основным причинам. Во-первых, на момент прихода в Белый дом 44-го президента Барака Обамы американцы серьезно завязли в проблемах Ближнего Востока после активной политики президента Буша-младшего. Во-вторых, рост могущества Китая серьезно озадачил американских политиков, которые решили, что главным глобальным геополитическим соперником Вашингтона на долгосрочную перспективу станет Пекин, поэтому существует стратегический интерес к противостоянию КНР на территории Восточной Азии, для чего необходимо сократить свое присутствие в других регионах. Однако такая позиция Белого дома встретила ряд критики в США среди крупных политических и научных деятелей. Так З. Бжезинский сказал, что: «Ещё тридцать пять лет назад Соединённые Штаты пользовались всеми выгодами тесных взаимоотношений с четырьмя главнейшими ближневосточными государствами – Ираном, Саудовской Аравией, Египтом и Турцией. Поэтому американским интересам в регионе ничто не угрожало. Сегодня американское влияние в каждой из этих четырех стран существенно ослаблено. С Ираном Америка враждует, Саудовская Аравия недовольна действиями Америки в регионе, Турция разочарована тем, что Америка не проявляет участия к её региональным амбициям, и наконец, растущий скептицизм Египта относительно его отношений с Израилем идет вразрез с приоритетами Америки. В общем и целом положение Штатов на Ближнем Востоке отчётливо ухудшается, и ослабление Америки добьёт его окончательно» (Бжезинский З., 2015: 151).

Известный американский исследователь по вопросам Ближнего Востока из Университета Дж. Хопкинса Вали Наср говорит, что противостояние с Пекином будет не только в Тихоокеан-

ском регионе. Он пишет: «существенные моменты соревнования будут также разыгрываться на Ближнем Востоке, и нам стоило бы подготовиться к этому поединку и его последствиям в глобальном масштабе» (Наср В., 2015: 13). Он отстаивает мысль, что геостратегическое столкновение США и КНР может отчасти быть и на ближневосточном театре, где уход американцев начнут заполнять китайцы.

Если протесты «арабской весны» спровоцировали в столицах стран-участниц ССЗ зарождающиеся сомнения своему стратегическому союзнику и гаранту безопасности, то подписание соглашения по Иранской ядерной программе в 2015 году эти сомнения только усилило. Поэтому в целом и в частности в арабских монархиях Залива очень сильно ожидали скорейшей смены главы Белого дома, надеясь на смену политики к этому стратегическому региону. Избранный 45-ый президент США Дональд Трамп нарушил традицию глав Белого дома совершать первый официальный визит в одну из соседних стран и в мае 2017 года отправился в Саудовскую Аравию, где прошел саммит «США - Исламский мир». На саммите с главами 55-ю стран мусульманского мира Трамп обратился с речью, которая, с одной стороны, выглядела достаточно сбалансированной и без ярких выпадов, однако при этом новый глава обрисовал контуры своей политики по отношению к Исламскому миру. Трамп, подчеркивая угрозы, исходящие от Ирана, все же дал понять, что странам региона необходимо самим больше заботиться о собственной безопасности. Согласно мнению российского аналитика М. Сучкова: «Д. Трамп фактически поставил перед собой задачу вывести идеальную формулу «достаточного присутствия» США на Ближнем Востоке, где при снижении союзнических обязательств США смогут сохранить политическое влияние, необходимое для реализации своих интересов» (Сучков М., 2018).

Двоякая позиция Вашингтона по многим позициям на Ближнем Востоке заставляет аравийские монархии искать альтернативные пути из этого положения. Флагман ССЗ Саудовская Аравия видит выход, во-первых, в укреплении своих политических, экономических и военных возможностей, а во-вторых, в более глубокой интеграции в рамках Совета Сотрудничества Залива.

Основные актуальные угрозы и вызовы безопасности региона

Основным концептуальным вопросом коллективной безопасности является «против кого

дружим?» То есть в отсутствии угроз отсутствует и нужда в политике коллективной безопасности, так как страны-участницы будут тяготеть к модели индивидуального подхода, ввиду того, что при коллективных мерах приходится поступаться некоторыми вопросами суверенитета.

Основные угрозы региональной безопасности Персидского залива можно сгруппировать по источнику их происхождения. Это либо внешние угрозы, либо внутренние. Основная внешняя угроза в понимании многих политиков и исследователей из стран региона лежит в агрессивности Ирана. Рост военной мощи Тегерана, ракетно-ядерная программа, усиления иранских сателлитов в арабских странах в рамках иранской концепции «оси сопротивления» (Ирак-Сирия-Ливан), антисаудовская риторика и т.д. способствовали формированию устойчивого представления об устойчивой угрозе иранского гегемонизма как в Персидском заливе, так и на всем Ближнем Востоке. Поступательное усиление позиций Ирана в регионе БВСА вызывает сильнейшую озабоченность у его геополитических соперников. Иранское руководство в качестве усиления своего влияния и развития концепции сдерживания предполагает в перспективе строительство собственных военных баз в других странах Ближнего Востока. Так, в конце ноября 2016 года начальник генерального штаба вооруженных сил Ирана Мухаммад Хусейн Бакри заявил, что в скором будущем Тегеран может создать базы для своего флота в Йемене и Сирии (Иранский генерал, 2016). По его словам, этот инструмент является более эффективным средством сдерживания, чем ядерное оружие. Военная политика Тегерана имеет тенденцию постоянного развития и расширения своих возможностей. Заключение соглашения в 2015 году по ядерной программе Ирана с группой международных посредников не остановило развитие ракетной программы, хотя по отношению к ней у мирового сообщества также были претензии. Несмотря на резолюции Совета Безопасности ООН №1737,1929,2231, иранские власти не останавливают развитие ракетной программы, что вызывает сильнейшую обеспокоенность у соседних стран по региону. Геополитические противники Тегерана задаются вопросом, если Иран отказывается от создания неконвенционального оружия, зачем ему дальнейшее развитие ракетной программы. Некоторые исследователи полагают, что иранское руководство, несмотря на достигнутые соглашения по ядерной программе, все равно в долгос-

рочной перспективе обратно вернутся к вопросу создания ядерного оружия.

Как и любая бывшая империя, которая в потоке истории осталась на обочине мирового мейнстрима, Иран таит в себе глубокое желание найти своему историко-цивилизационному потенциалу важное место на мировой арене. Поэтому Ближний Восток это не только «жизненное пространство» Ирана, но и, в их понимании, «законное право» доминирования Тегерана в этом геостратегическом регионе. При этом большая часть Ближнего Востока по большей мере является арабской, что закладывает логику региональной политики бывшей империи. Проблемы вокруг политики Тегерана усиливает суннитско-шиитский антагонизм. По сути дела, это противостояние на современном этапе исторического развития исламской уммы вызвано как политическими проблемами внутри арабских стран, так и ростом влияния Ирана в качестве оплота шиизма в мире. Поэтому в информационном дискурсе СМИ Саудовской Аравии ИРИ очень часто отождествляется как Сефевидское государство, которое, как известно, в свое время сделала шиизм в качестве основного направления ислама в Персии (Иране).

Внутренние проблемы также имеют серьезную угрозу стабильности аравийских монархий. По мнению иракского исследователя Мухаммад бен Саид аль-Футаиси, для стран ССЗ внутренние проблемы намного опаснее, так как создают почву для внешней экспансии. Он выделяет пять наиболее важные с его точки зрения проблемы. Во-первых, это перспективы легитимности власти в долгосрочной перспективе. Как известно, несмотря на разные названия шести государств, все они являются наследственными монархиями, поэтому существует большая угроза для их существованию в будущем в случае смены поколений и в частности изменений мировоззрения у молодежи Залива. При этом, как известно, нынешняя власть стран региона строится на региональной политической культуре верности и лояльности, основанной на религиозной традиции. Второй важнейшей внутренней проблемой для арабских монархий являются экономические угрозы в свете колебания цен на нефть. В-третьих, это слабое политическое партнерство и снижение доверия общественности к власти. В-четвертых, автор выделяет интеллектуальный и идеологический экстремизм. При этом он отмечает, что отчуждение и маргинализация больше всего происходят среди молодежи. По его словам, согласно исследованиям, порядка 70%

арабской молодежи разочарованы в возможности изменения социального, политического и экономического положения. Арабская молодежь ищет пути выхода из этой ситуации и наиболее показательное это прямое противостояние. Аль-Футаиси выделяет два формата противостояния. Первый – присоединение к внутренним политическим и гражданским объединениям, целью которых является смена власти путем революций. Второй формой является системное политическое и вооруженное насилие. В-пятых, автор выделяет маргинализацию, в особенности выделяя деление по религиозным общинам (Al-Futaisi M.S., 2015: 63-65).

Идея трансформации ССЗ в Союз Залива

С момента создания Совета Сотрудничества Залива двигателем интеграционных процессов почти всегда являлась Саудовская Аравия, поэтому неудивительно, что именно от нее 19 декабря 2011 года поступило предложение выйти на новый уровень сотрудничества и образовать единый политический субъект в лице Союза Залива. Король Саудовской Аравии (на тот момент) Абдалла бен Абд аль-Азиз, выступавший на 32-ой сессии Высшего совета ССАГПЗ, заявил, что остановка на достигнутых результатах интеграции в рамках Совета в конечном итоге будут иметь тяжелые последствия. Поэтому для достижения стабильности и безопасности странам Совета необходимо выйти на новый уровень интеграции (Al-Malik Abdallah, 2011).

Инициатива трансформации в Союз была вызвана многими аспектами. По мнению Ашрафа Кишка из бахрейнского аналитического центра Derasat, среди причин особо выделяются внутренние перемены в арабских монархиях, а также изменения в международных отношений, в особенности новая оборонная политика США (Kishk A., 2013: 1). Однако необходимо отметить, что в создании Союза больше всего была заинтересована Саудовская Аравия, которая таким образом намерена решить для себя два принципиальных стратегических вопроса. Во-первых, усилить свое влияние в рамках ближайшего круга, которое оно считает своим жизненным пространством. Во-вторых, данный подход, в глазах эр-Рияда, поможет обеспечить коллективную безопасность и решить ряд проблем, в особенности внутреннего характера. Время выдвинутой идеи диктовала геополитическая ситуация в арабском мире, когда на всем Ближнем Востоке и Северной Африке бушевали революции и протестные движения, а американские союзники слабо реагировали на данное положение

вещей. Многих региональных руководителей беспокоил вопрос установления стабильности и безопасности, поэтому некоторым странам приходилось забывать старые обиды для продуктивного сотрудничества и решение насущных проблем. Так, по мнению Эмиля Хокаема из International Institute for Strategic Studies (IIS), момент постановки вопроса о политической интеграции аравийских монархий был вызван сближением Саудовской Аравии и ОАЭ, хотя ранее между ними были серьезные противоречия (Hokayem E., 2016). По сути дела, вопросы политической интеграции для стран-участниц всегда вызывали напряжение и осторожность. Бахрейнский исследователь Али Мухаммед Фахр отмечает, что из 13 целей организации ССЗ, закрепленных в Уставе, большинство относились к различным аспектам экономики и безопасности, но при этом в документе не были упомянуты вопросы политической интеграции (Fakhro A.M., 2012: 7). Именно «вынужденность» такой политической интеграции в контексте неопределенности и нестабильности вызвала определенный скептицизм в адрес трансформации ССЗ у ряда наблюдателей. Арабские наблюдатели сразу озадачились вопросом о серьезности этой инициативы. Будет ли воплощена эта идея или она угаснет по мере уменьшения угроз со стороны протестных движений, так же как это было с инициативой интегрировать Иорданию и Марокко в организацию ССЗ. Критически-недоверчивое отношение к данной инициативе в действительности имело серьезные причины. Так, в области экономической интеграции на то, чтобы воплотить в жизнь полноценный Таможенный союз, странам ССЗ потребовалось 25 лет, но при этом совокупное количество региональной торговли не превышало от 5 до 10% общей внешней торговли аравийских монархий (данные за 2012 г.). После Таможенного союза страны приняли решение создать общий рынок Залива, а также до 2010 года внедрить общую единую валюту, но до сих пор руководство стран организации не смогло воплотить эти две инициативы. По сравнению с экономикой, вопросы сотрудничества в области безопасности развивались быстрее по причине ряда серьезных региональных проблем, в том числе Иранской ядерной программы и суннитско-шиитского конфликта в Ираке и т.д. Однако наиболее серьезную неудачу, по мнению Али Мухаммеда Фахра, страны ССЗ потерпели в согласовании единой общей внешней политике и выработки общих основ и подходов для реформ в области внутренней политики. Сложные про-

цессы согласования указывают на отсутствие желания уступать, даже в части национального суверенитета над своими государствами (Fakhro A.M., 2012: 8-10).

Отступая от вышеуказанных проблем, которые являются серьезными препятствиями интеграции в области экономики и обороны, говорить о политической интеграции еще сложнее. При этом все же Саудовская Аравия предполагает, что обеспечить дееспособную коллективную безопасность будет более возможным при создании Союза. С другой стороны, вопрос о формате Союза остается до сих пор открытым. Предположительно интеграция возможна в трех вариантах. Во-первых, в виде конфедерации, в рамках которой предполагается союз (ассоциация) суверенных государств путем создания структур для координации общей политики при уважении суверенитета ее членов. Во-вторых, союз пожеланию. В-третьих, дифференцированное участие в Союзе, под которым понимается поэтапная интеграция стран-участниц в различных областях (Kishk A., 2013: 16).

«Катарский кризис» как отражение системных проблем интеграции

Серьезными препятствиями политической интеграции являются внутренние разногласия среди стран-участниц Совета Сотрудничества Залива. На протяжении всей истории организации периодически на поверхность всплывали противоречия между аравийскими монархиями, которые все же удавалось миновать. Однако дипломатический кризис, разгоревшийся в 2014 году между Саудовской Аравией, ОАЭ, Бахрейном, с одной стороны, и Катаром – с другой, имел совсем другой уровень и характер. 5 марта официальный эр-Рияд, Абу-Даби и Манама отозвали из столицы Катара свои дипломатические представительства. Причиной на столь кардинальный шаг стало несоблюдение Катаром соглашения по безопасности, подписанного 2012 году, а точнее пункта вопроса невмешательства во внутренние дела государств ССЗ. Все началось с того, что в ОАЭ были арестованы некоторые активисты движения «братья-мусульмане», а в катарском информационном пространстве стали критиковать данное событие, в особенности запомнился своим выступлением Юсуф аль-Кардауи, один из духовных и идейных лидеров движения, который проживает в Катаре. Бойкот со стороны ряда стран ССЗ сопровождался претензиями, которые были связаны с предоставлением укрытия видным деятелям «Братьев-мусульман»; «недружественная ин-

формационная политика» Катара в адрес ОАЭ и Бахрейна; «отсутствие координации Катара с другими членами Совета по сирийскому вопросу»; а также создание блока с Турцией (Мелкумян Е.С., 2015: 452). Ситуация усугублялась «и даже такой шаг, как высылка, из Катара всех активистов «Братьев-мусульман» в сентябре 2014 г., не привел к урегулированию конфликта» (Семенов К., 2017). Конфликт удалось урегулировать только в ноябре 2014 года, после личной встречи глав государств ССЗ, когда Доха взяла на себя ряд обязательств.

Нынешний «кризис в Заливе», или «второй катарский кризис», начался 5 июня 2017 года, практически сразу же после саммита «США-Исламский мир». Критика Дохи некоторых положений саммита, а точнее возобновление конфронтации с Ираном вызвало бурю недовольств со стороны соседей, для которых, видимо, это событие стало только ожидаемым моментом, чтобы выразить свое недовольство, копившееся все последнее время. В действительности если посмотреть на страны-участниц конфликта Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн, а также на список требований, то становится понятным, что конфликт является продолжением кризиса 2014 года. К тройке (КСА, ОАЭ и Бахрейн) недовольных присоединился Египет, а вот две другие страны ССЗ Оман и Кувейт решили дистанцироваться от конфликта. При этом глава Кувейта взял на себя активную миссию посредника, вооружившись методом челночной дипломатии. Бойкотирующая сторона выставили Дохе в ультимативной форме 13 требований, среди которых закрытие военной турецкой базы в Катаре, прекращение поддержки «террористических групп», в том числе «братьев-мусульман», закрытие телеканала «аль-Джазира» и т.д. (Butman D.L., McCants W., 2017) (Kirisci K., 2017). Резкое давление на Доху вызвало недовольство в Анкаре, которая решила форсировать строительство и наполнение военной базы в Катаре. В срочном порядке турецкий парламент принял решение послать военный контингент количеством до 3 тысяч военнослужащих. В начале 2018 года турецкий посол в Катаре Фикрет Озер заявил, что к дополнению к сухопутным подразделениям турецкая сторона планирует разместить на катарской территории военно-воздушное соединение и корабельную группировку (Турция уплотнит, 2018). К слову, необходимо отметить, что соглашение по размещению на катарской территории турецкой военной базы была принято еще в 2014 году, а первые турецкие военные появились

в Катаре уже в 2015 году. В ситуации беспрецедентного давления и блокады Катара со стороны соседних стран способствует не только укреплению турецко-катарской стратегической оси, но и сближению Катара с Исламской Республикой Иран. Конфликт во многом перешел из политико-экономической плоскости в информационную плоскость. В СМИ разгорелась целая информационная война. В общем, несмотря на то, что конфликт еще не разрешен и существует большое количество аспектов этого кризиса, которые сложно затронуть в рамках данного исследования. Однако, необходимо сказать, что само это противостояние есть показатель системных проблем в рамках организации Совета Сотрудничества Залива, глубокого недоверия между соседними странами, противоречия, связанных с видением развития региона, противостояния идеологических парадигм и многое другое.

Перспективы коллективной безопасности в рамках ССЗ

На протяжении всего периода существования Совета Сотрудничества Залива, страны-участницы рассматривали различные инициативы по расширению интеграции в рамках данной организации. Зачастую ключевыми вопросами всегда были экономика и безопасность. При этом региональная безопасность рассматривалась в форме кооперации усилий по коллективной обороне всех стран-участниц. Для этой цели еще на заре 80-х годов XX столетия были созданы силы быстрого реагирования «Щит полуострова», основу которой составили вооруженные силы Саудовской Аравии. В дальнейшем на постоянной основе стали проводиться учения военно-морских, военно-воздушных сил и т.д. В 90-х гг. было принято решение об интеграции систем противовоздушной обороны (ПВО) стран ССЗ «Щит мира», основу которого также должны были составить саудовская противовоздушная оборона, вооруженная передовыми технологиями американского производства, включая авиационный комплекс радиообнаружения и наведения (АВАКС).

За последние десятилетия в Персидском Заливе произошли многие события, сильно повлиявшие на региональную безопасность. Революция в Иране в 1979 году и начало ирано-иракской войны (1980-1988 гг.) способствовали сближению аравийских монархий и созданию организации ССЗ. На тот период большинство стран-участниц видели вопрос обеспечения региональной безопасности путем опоры на собственные силы. Однако «кувейтский кризис»

в 1990-1991 гг. переформатировал всю систему безопасности в Заливе. Теперь основу обеспечения региональной безопасности в Персидском заливе стали играть союзнические отношения со странами Запада, и в первую очередь с США. Такая форма обеспечения безопасности имела как свои плюсы, так и значительные минусы. Кризис такого подхода стал проявляться с началом «арабской весны», когда у аравийских монархий появились сомнения в надежности Вашингтона в качестве гаранта стабильности их режимов. Связи с чем в конце 2011 года король Саудовской Аравии предложил трансформировать организацию из Совета в Союз и получить, таким образом, возможность обеспечить защиту от «жестких» угроз и устойчивость от «мягких». Однако первый и второй кризисы в Заливе вокруг Катара показали структурные проблемы в интеграционной политике государств ССЗ. В любом случае перспективность и возможность создания единого политического субъекта в рамках аравийских монархий остаются значительными. Как известно, в регионе уже существует положительный прецедент виде государства ОАЭ, которое по своей сути является федерацией независимых политических субъектов. Однако для реализации такого проекта необходимы серьезные усилия и время, а также соблюдение принципа суверенитета и равноправия. Данную политику в первую очередь должно соблюдать Королевство Саудовская Аравия, так как именно она является неоспоримым гегемоном среди аравийских монархий. Именно доминирование по многим показателям КСА настораживает малые страны Залива лишиться суверенитета или части в случае политической интеграции, что приводит к торпедированию многих инициатив. С другой стороны, эр-Рияд должен становиться более привлекательным для своих союзников и самодостаточным, в особенности в военном плане. В действительности малые страны Залива, хоть имеют высокую обеспеченность передовой военной техникой, однако, на деле маленькая численность их населения сказывается негативно на общем военном потенциале каждой страны. Так, к примеру, только в Катаре численность граждан – порядка 200 тысяч человек. Нынешняя оборонная политика эр-Рияда призвана решить ряд проблем. В рамках программы развития «Видение-2030» саудовская сторона теперь не только закупает военную технику, но также пытается организовать трансферт технологий. Укрепление Саудовской Аравии в политической, эконо-

мической, военно-оборонной сферах, а также её мягкая и гибкая политика в адрес своих аравийских соседей является, на наш взгляд, необходимым гарантом создания дееспособной коллективной безопасности в рамках ССЗ в будущем.

На всем пространстве Ближнего Востока именно субрегион Персидского залива сохраняет хорошую динамику регионализации за счет интеграционных устремлений аравийских

монархий. Однако данный процесс регионализации до сих пор не может перерасти в более серьезную стадию регионализма. Хотя данный дефект в интеграционных процессах заметен на всем Ближнем Востоке и Северной Африке, все же возможно, что именно Совету Сотрудничества Залива удастся в долгосрочной перспективе запустить полноценный процесс регионализма, что станет положительным прецедентом для всего региона.

Литература

- Аль-Алави Х.А., Политический анализ проблем и перспектив развития Совета Сотрудничества Стран Арабского Залива, Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 1999.
- Аль-Шанфари А.С., Политика Султаната Оман в регионе Персидского залива (1970-1992 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2004.
- Бжезинский З., Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / пер. с англ. М.Н. Десятовой. – М.: АСТ, 2015.
- Воскресенского А.Д. Мировое комплексное регионоведение / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014.
- Гейтс Р., Долг. Мемуары министра войны / пер. с англ. В. Желникова. – М.: АСТ, 2014.
- Иранский генерал: однажды нам понадобятся базы в Сирии и Йемене. (2016) URL: <http://www.newsru.co.il/mideast/26nov2016/general8028.html>
- Карпенко Е. А., Формирование системы коллективной безопасности стран-членов совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2006.
- Кузнецов В. К вопросу о концепции региональной безопасности ССАГПЗ. (2016). URL:<http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/k-voprosu-o-kontseptsii-regionalnoy-bezopasnosti-ssagpz/>
- Мелкумян Е.С., Кувейт в 2000-е гг: внутривосточное развитие и внешняя политика. – М.: Институт Ближнего Востока, 2014.
- Мелкумян Е.С. Новейшая история Кувейта. – М.: Аспект-Пресс, 2011.
- Мелкумян Е.С. Регион Залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество. – М.: Институт Ближнего Востока, 2008.
- Мелкумян Е.С., Совет Сотрудничества Арабских Государств Залива как институт обеспечения национальной безопасности стран-членов // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. – №9, 2015. – С. 462.
- Муслах А.С., Внешняя политика Объединенных Арабских Эмиратов в глобализирующемся мире (генезис, концептуальные основы, приоритеты, направления): диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 2007.
- Наср В., Необязательная страна / пер. с англ. В. Верченко. – М.: АСТ, 2015.
- Примаков Е.М., Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – М.: Российская газета, 2012.
- Семенов К., Второй катарский кризис – причины и пути решения. (2017). URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vtoroy-katarskiy-krizis-prichiny-i-puti-resheniya/>
- Сучков М., Стратегия «достаточного присутствия»: политика США на Ближнем Востоке при Д. Трампе. (2018). URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strategiya-dostatochnogo-prisutstviya-politika-ssha-na-blizhnem-vostoke-pri-d-trampe/>
- Турция уплотнит военную базу в Катаре соединениями ВВС и ВМС. (2018). URL: <https://eodaily.com/ru/news/2018/02/01/turciya-uplotnit-voennuyu-bazu-v-katare-soedineniyami-vvs-i-vms>
- Al-Ali A. (2016). Aman al-Khalij fi zili al-tadarubat al-istratijiat lilqua al-alamiat wa al-iqlimia [Gulf security in the context of strategic conflicts of global and regional powers]. Amman: Dar Amjad.
- Al-Futaisi M.S. (2015). Mustaqbal al-anzimat al-khalijiat fi zili al-mutaghayirat al-amniat al-dakhiliat al-tahadiyat wa al-hulul [The Future Perspective of the Arab Gulf Governmental Systems under the Influence of the Internal Security Changes: Challenges and Solutions]. Basic Education College Magazine for Educational and Humanities Sciences, 21, 60-67 pp. Retrieved from URL: <https://www.iasj.net/iasj?func=fulltext&aId=104211>
- Al-Itihad al-Khaliji al-Arabi hua al-mustaqbal [The Gulf Arab Union is the future]. (2016). Ibrahim H.T. (Ed.), Retrieved from URL: http://www.grc.net/data/contents/uploads/Dr_Sager_paper_3507.pdf
- Al-Malik Abdallah yadeu dual al-taawun lilaintiqal ilaa marhalat al-itihad [King Abdullah calls on the GCC countries to move to the Union phase]. (2011). Retrieved from URL: <http://www.alriyadh.com/693340>
- Al-Rayis Mursy: Al-Sawdya raeiat li'ahl al-sunna wa Misr lahum hamia [President Mursi: Saudi Arabia is a sponsor of the Sunnis and Egypt has a protector]. (2012). Retrieved from URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3nwzpb7USAY>
- Al-Yusuf H.Y. (2011). Majlis al-taawun al-khaliji fi muthalath al-wirathat wa al-naft wa al-quaa al-ajnabia [GCC in the triangle of heredity, oil and foreign powers]. Beirut: Center for Arab Unity Studies.

- Acharya A., Buzan B. (2010) Why is there no non-Western international relations theory? In Acharya A., Buzan B. (eds.), *Non-Western International Relations Theory/ Perspectives On and Beyond Asia* (pp. 1-25), New York, NY: Routledge.
- Asasian N. (2018). The Qatar Crisis, its Regional Implications, and the US National Interest. Retrieved from URL: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/qatar-crisis-its-regional-implications-and-us-national-interest>
- Byman D.L., McCants W. (2017). The danger of picking sides in the Qatar crisis. Retrieved from URL: <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2017/06/17/the-danger-of-picking-sides-in-the-qatar-crisis/>
- Charter of the organization of the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf. (1981). Retrieved from URL: <http://www.gcc-sg.org/ar-sa/AboutGCC/Pages/Primarylaw.aspx>
- Davidson Ch. (2015). *After the Sheikhs: The Coming Collapse of the Gulf Monarchies*. London: Hurst.
- Fakhro A.M. (2012). Tahwil majlis al-taawun al-khalijii ilaa al-itihad khalijiin [Converting the Gulf Cooperation Council into a Gulf Union]. *Majalat al-mustaqbal al-arabi [Arab Future Magazine]*, 402, 7-12 pp. Retrieved from URL: http://www.caus.org.lb/PDF/EmagazineArticles/mustaqbal_402_ifitahie%207-12.pdf
- Hokayem E. (2016). A Gulf union? Retrieved from URL: <https://www.iiss.org/en/regions/gulf-states/emile-gcc-blog-51ef>
- Istanbul Cooperation Initiative (ICI). Reaching out to the broader Middle East. (2011). Retrieved from URL: https://www.nato.int/cps/ic/natohq/topics_58787.htm?
- Kirisci K. (2017). How the Gulf crisis forces fundamental choices in Turkish foreign policy. Retrieved from URL: <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2017/06/28/how-the-gulf-crisis-forces-fundamental-choices-in-turkish-foreign-policy/>
- Kishk A. (2013). Al-Darurat al-istratyjyt liltahawul nahua halat al-itihad al-khaliji [The strategic imperatives for the transition to the state of the Gulf Union]. Retrieved from URL: <http://www.derasat.org/bh/ar/publications/%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A8%D9%8A%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%B6%D8%B1%D9%88%D8%B1%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D8%B1%D8%A7%D8%AA%D9%8A%D8%AC%D9%8A%D8%A9-%D9%84%D9%84%D8%AA%D8%AD%D9%88/>
- Mainuddin R.G., Aicher J.R., Elliot J.M. (1996). *From Alliance to Collective Security: Rethinking the Gulf Cooperation Council*. Middle East Policy, Vol. 4 (March), 39–49 pp. Retrieved from URL: <http://www.mepec.org/journal/alliance-collective-security-rethinking-gulf-cooperation-council>
- Military Strength Ranking. (2018). Retrieved from URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp>
- Rickli J.-M. (2016). New alliances dynamics in the Gulf and their impact on the small GCC states. *Journal Third World Thematics: A TWQ Journal*, V.1, Issue 1, 132-150 pp. Retrieved from URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/23802014.2016.1188023?journalCode=rtwt20>
- Wehrey F., Sokolsky R. (2015). *Imagining a New Security Order in the Persian Gulf*. Retrieved from URL: https://carnegiendowment.org/files/CP256_Wehrey-Sokolsky_final.pdf
- World Bank Database. (2018). Retrieved from URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=EG>

References

- Al'-Alavi H.A., Politicheskij analiz problem i perspektiv razvitiya Soveta Sotrudnichestva Stran Arabskogo Zaliva, Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskikh nauk. – Moskva, 1999 g.
- Al'-Shanfari A.S., Politika Sultanata Oman v regione Persidskogo zaliva (1970-1992 gg.), Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. – Moskva, 2004 g.
- Bzhezinskij Z., Strategicheskij vzgljad: Amerika i global'nyj krizis. Per. s angl. M.N. Desjatovoj. – Moskva: AST, 2015 g.
- Voskresenskogo A.D. Mirovye kompleksnoe regionovedenie. Pod red. A.D. Voskresenskogo. – Moskva: Magistr: INFRA-M, 2014 g.
- Gejts R., Dolg. Memuary ministra vojny. Per. s angl. V. Zhelnikova. – Moskva: AST, 2014 g.
- Iranskiy general: odnazhdy nam ponadobjatsja bazy v Sirii i Jemene. (2016) URL: <http://www.newsru.co.il/mideast/26nov2016/general8028.html>
- Karpenko E. A., Formirovanie sistemy kollektivnoj bezopasnosti stran-chlenov soveta sotrudnichestva arabskikh gosudarstv Persidskogo zaliva, Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. – Moskva, 2006 g.
- Kuznecov V., K voprosu o koncepcii regional'noj bezopasnosti SSAGPZ. (2016). URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/k-voprosu-o-kontseptsii-regionalnoy-bezopasnosti-ssagpz/>
- Melkumjan E.S., Kuvejt v 2000-e gg: vntripoliticheskoe razvitie i vneshnjaja politika. – Moskva: Institut Blizhnego Vostoka, 2014 g.
- Melkumjan E.S. Novejshaja istorija Kuvejta. – Moskva: Aspekt-Press, 2011 g.
- Melkumjan E.S., Region Zaliva: konflikty, kompromissy, sotrudnichestvo. – Moskva: Institut Blizhnego Vostoka, 2008 g.
- Melkumjan E.S., Sovet Sotrudnichestva Arabskikh Gosudarstv Zaliva kak institut obespechenija nacional'noj bezopasnosti stran-chlenov//Islam na Blizhnem i Srednem Vostoke. – №9, 2015. S. – 462.
- Musleh A.S., Vneshnjaja politika Ob#edinennyh Arabskikh Jemiratov v globalizirujushhemsja mire (gezezis, konceptual'nye osnovy, priorityty, napravlenija), Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskikh nauk. – Moskva, 2007 g.
- Nasr V., Neobjazatel'naja strana. Per. s angl. V. Verchenko. – Moskva: AST, 2015 g.
- Primakov E.M., Konfidential'no: Blizhnij Vostok na scene i za kulisami (vtoraja polovina XX – nachalo XXI veka). – Moskva, Rossijskaja gazeta, 2012 g.
- Semenov K., Vtoroy katarskij krizis — prichiny i puti reshenija. (2017). URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vtoroy-katarskiy-krizis-prichiny-i-puti-resheniya/>

Suchkov M., Strategija «dostatochnogo prisutstvija»: politika SShA na Blizhnem Vostoke pri D. Trampe. (2018). URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strategiya-dostatochnogo-prisutstviya-politika-ssha-na-blizhnem-vostoke-pri-d-trampe/>

Turcija uplotnit voennuju bazu v Katare soedinenijami VVS i VMS. (2018). URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/02/01/turciya-uplotnit-voennuyu-bazu-v-katare-soedinenijami-vvs-i-vms>

Al-Ali A. (2016). Aman al-Khalij fi zili al-tadarubat al-istratijiat lilqua al-alamiat wa al-iqlimia [Gulf security in the context of strategic conflicts of global and regional powers]. Amman: Dar Amjad.

Al-Futaisi M.S. (2015). Mustaqbal al-anzimat al-khalijiat fi zili al-mutaghayirat al-amniat al-dakhiliat al-tahadiyat wa al-hulul [The Future Perspective of the Arab Gulf Governmental Systems under the Influence of the Internal Security Changes: Challenges and Solutions]. Basic Education College Magazine for Educational and Humanities Sciences, 21, 60-67 pp. Retrieved from URL: <https://www.iasj.net/iasj?func=fulltext&aId=104211>

Al-Itihad al-Khaliji al-Arabi hua al-mustaqbal [The Gulf Arab Union is the future]. (2016). Ibrahim H.T. (Ed.), Retrieved from URL: http://www.grc.net/data/contents/uploads/Dr_Sager_paper_3507.pdf

Al-Malik Abdallah yadeu dual al-taawun lilaintiqal ilaa marhalat al-itihad [King Abdullah calls on the GCC countries to move to the Union phase]. (2011). Retrieved from URL: <http://www.alriyadh.com/693340>

Al-Rayis Mursi: Al-Sawdya raeiat li'ahl al-sunna wa Misr lahum hamia [President Mursi: Saudi Arabia is a sponsor of the Sunnis and Egypt has a protector]. (2012). Retrieved from URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3nwzpb7USAY>

Al-Yusuf H.Y. (2011). Majlis al-taawun al-khaliji fi muthalath al-wirathat wa al-naft wa al-quaa al-ajnabia [GCC in the triangle of heredity, oil and foreign powers]. Beirut: Center for Arab Unity Studies.

Acharya A., Buzan B. (2010) Why is there no non-Western international relations theory? In Acharya A., Buzan B. (eds.), Non-Western International Relations Theory/ Perspectives On and Beyond Asia (pp. 1-25), New York, NY: Routledge.

Asasian N. (2018). The Qatar Crisis, its Regional Implications, and the US National Interest. Retrieved from URL: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/qatar-crisis-its-regional-implications-and-us-national-interest>

Byman D.L., McCants W. (2017). The danger of picking sides in the Qatar crisis. Retrieved from URL: <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2017/06/17/the-danger-of-picking-sides-in-the-qatar-crisis/>

Charter of the organization of the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf. (1981). Retrieved from URL: <http://www.gcc-sg.org/ar-sa/AboutGCC/Pages/Primarylaw.aspx>

Davidson Ch. (2015). After the Sheikhs: The Coming Collapse of the Gulf Monarchies. London: Hurst.

Fakhro A.M. (2012). Tahwil majlis al-taawun al-khalijii ilaa al-itihad khalijiin [Converting the Gulf Cooperation Council into a Gulf Union]. Majalat al-mustaqbal al-arabi [Arab Future Magazine], 402, 7-12 pp. Retrieved from URL: http://www.caus.org.lb/PDF/EmagazineArticles/mustaqbal_402_ifitahie%207-12.pdf

Hokayem E. (2016). A Gulf union? Retrieved from URL: <https://www.iiss.org/en/regions/gulf-states/emile-gcc-blog-51ef>

Istanbul Cooperation Initiative (ICI). Reaching out to the broader Middle East. (2011). Retrieved from URL: https://www.nato.int/cps/ic/natohq/topics_58787.htm?

Kirisci K. (2017). How the Gulf crisis forces fundamental choices in Turkish foreign policy. Retrieved from URL: <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2017/06/28/how-the-gulf-crisis-forces-fundamental-choices-in-turkish-foreign-policy/>

Kishk A. (2013). Al-Darurat al-istratyjyt liltahawal nahua halat al-itihad al-khaliji [The strategic imperatives for the transition to the state of the Gulf Union]. Retrieved from URL: <http://www.derasat.org/bh/ar/publications/%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A8%D9%8A%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%B6%D8%B1%D9%88%D8%B1%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D8%B1%D8%A7%D8%AA%D9%8A%D8%AC%D9%8A%D8%A9-%D9%84%D9%84%D8%AA%D8%AD%D9%88/>

Mainuddin R.G., Aicher J.R., Elliot J.M. (1996). From Alliance to Collective Security: Rethinking the Gulf Cooperation Council. Middle East Policy, Vol. 4 (March), 39–49 pp. Retrieved from URL: <http://www.mepc.org/journal/alliance-collective-security-rethinking-gulf-cooperation-council>

Military Strength Ranking. (2018). Retrieved from URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp>

Rickli J-M. (2016). New alliances dynamics in the Gulf and their impact on the small GCC states. Journal Third World Thematics: A TWQ Journal, V.1, Issue 1, 132-150 pp. Retrieved from URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/23802014.2016.1188023?journalCode=rtwt20>

Wehrey F., Sokolsky R. (2015). Imagining a New Security Order in the Persian Gulf. Retrieved from URL: https://carnegieendowment.org/files/CP256_Wehrey-Sokolsky_final.pdf

World Bank Database. (2018). Retrieved from URL:

<https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=EG>